

Что, черт возьми, делает Персефона? Шир был ее подчиненным. Единственный участник событий в поместье Мифрал, знавший, что происходит на самом деле. Кроме того, в этот раз я с ней даже не встречался. Неужели кто-то заказал моё убийство?

У меня было очень мало времени, чтобы обдумать это, я смотрел на тело Ширы, когда мое зрение начало плыть. Желудок скрутило, и внезапно захотелось просто сесть. Дыхание было тягучим, неглубоким и не заполняло легкие.

Сердце билось нерегулярно.

Яд.

Я барахтался в бассейне в поисках кинжала. Когда нашел его, стало очевидно, что вода смыла запах вещества, которым он был покрыт, и я не смог его определить. С новой паникой я, пошатываясь, подошел к своей сумке и открыл ее. У меня не было ничего особенного в плане медицинских принадлежностей, и уж точно не было широкого набора противоядий. Однако у меня были основные средства первой помощи, включая палку для наложения жгута.

Я снял пояс и обмотал его вокруг плеча, затем заколебался.

Никогда не накладывай жгут при укусе змеи. Раздался голос Лилиан. Он изолирует яд в одном месте и делает его гораздо более разрушительным, чем если позволить ему распространиться по всему телу. Можно полностью потерять возможность пользоваться конечностью.

Это верно для змей, да. Но это был яд убийцы, созданный для убийства. Я посмотрел вниз на свои отсутствующие пальцы. Яд распространялся по левой руке, ближе всего к сердцу.

Выбора нет. Я должен был попытаться остановить поток. Как можно быстрее затянул пояс на руке и закричал. Тусклый туман боли начал надвигаться, окутывая мысли.

Мысленно прикинул расстояние до аптеки Казикаса. Слишком далеко. С тем, что я чувствовал сейчас, никак не успеть вовремя. Более цветущая часть пещер, где мы с Казикасом собирали ингредиенты, находилась в четверти мили отсюда, может, даже меньше. Если Гемон был прав, то там можно легко найти шляпки гарроты.

Разумеется, это само по себе было риском. Ведь если они использовали против меня тот же яд, что и против Гемона, то большее количество гарроты просто убьет меня быстрее.

Невозможно знать наверняка. Я просто не разбирался в симптомах ядов так же хорошо, как в обычных лекарствах. Это был риск, на который необходимо пойти. Я смирился с неизбежностью смерти, честно говоря, ожидал ее, но будь я проклят, если позволю кому-то решать за меня. Нужно узнать, почему Персефона пыталась убить меня. Если я умру сейчас, это знание будет потеряно, или мне придется проделать весь путь, чтобы получить его.

Выходя из пещеры, я прошел мимо трупа. Инфернал в синей одежде Ралакоса. Я вспомнил, что он говорил о слежке за мной. Видимо, это было правдой.

Потребовался почти час поисков, чтобы найти шляпки гарроты, и в конце концов я не был уверен, что нашел их. Они пахли правильно и выглядели правильно, но мое зрение было затуманено, и я был настолько дезориентирован, что с таким же успехом это могли быть простые поганки. Я схватил горсть и сунул их в рот, плоский и землистый вкус неприятно отдавался на языке. Затем я улегся и стал ждать, ослабив пояс на руке. Конечность сильно распухла и начала пульсировать, пульсируя ощущением булавоочных иголок, когда чувства медленно возвращались.

Я лежал на спине и ждал смерти. Или жизни. В зависимости от того, что наступит раньше. Сердце начало биться в нормальном ритме, и тошнота в кишечнике утихла. Я вздохнул с облегчением. Яд, использованный против меня, и яд, использованный против Гемона, все-таки отличались. Я обратил внимание на шляпки гарроты. Примерно половина из них была собрана, но их было еще очень много, более чем достаточно, чтобы собрать небольшое состояние. Но золото волновало меня меньше всего.

Я проделал обратный путь к пещерам, где нашел Шира мертвым. Он перевернулся на живот и попытался уползти, преодолев лишь несколько футов.

Было бы не так стыдно сказать, что мой способ проверки признаков жизни — несколько раз ударить его по лицу, был предназначен только для этого, но правда заключалась в том, что у меня накопилось много злости, которую некуда было выместить.

Я устал от засад, от того, что меня режут и отрезают по кусочку.

На мгновение я подумал о том, чтобы поискать в водоеме свои недостающие пальцы, но отбросил эту мысль. Это заняло бы слишком много времени, и был шанс, что у Шира есть поддержка, которая могла бы обнаружить его исчезновение, если он слишком задержится.

Я выбрал длинный путь из пещер в сторону анклава — на случай, если еще какие-нибудь потенциальные убийцы затаились в ожидании.

Я прибыл в поместье Ралакоса, мой гнев все еще не до конца угас из-за усталости, которую я чувствовал. Я коротко и ясно объяснил ему, что произошло. Один из людей Персефоны напал на меня у водоема. Я убил его, но с трудом.

Удивительно, как отсутствие пальцев влияет на доверие к человеку. Ралакос едва остановился, чтобы спросить, откуда я знаю, что Шир был подчиненным Персефоны. Целитель лечил мою руку, пока я рассказывал свою историю — измененную версию того, что произошло в предыдущей перезагрузке: я прочесывал кварталы для расследования, не имеющего отношения к делу, и наткнулся на имена Персефоны и нескольких ее подчиненных.

Ралакос отправил несколько групп воинов. Одну — привести Кильвиуса, другую — забрать тело Ширы (и мои потерянные пальцы, как он настоял), а также более многочисленную группу, чтобы под видом приглашения в поместье Ралакоса напасть на саму Персефону. Эрдос неловко стоял на страже возле меня, его глаза постоянно перебегали на дверь, пока Ралакос занимался приготовлениями.

— Что-то случилось, капитан? — спросил я его.

— Я должен быть со своими людьми, — проворчал он.

Я почувствовал легкое сочувствие к нему. Несмотря на то, что знал Персефону гораздо меньше, чем кого-либо другого, всё равно не хотел бы посылать своих подчиненных в её паучью обитель.

— Не думаете, что она спокойно придет? — спросил я.

— Зависит от того, сделала она это или нет. — Рот Эрдоса мрачно опустился.

— Если сделала, то что теперь? — Кильвиус подошел к нам, на его лице была непринужденная ухмылка.

— Кильвиус. — Эрдос кивнул в знак уважения.

— Как всегда, рад тебя видеть, Эрдос. — Кильвиус глубоко поклонился. То, что они были знакомы друг с другом, было для меня новостью. Улыбка Кильвиуса уменьшилась, когда он заговорил со мной, дискомфорт от нашего последнего разговора омрачил ситуацию.

— Откуда вы знаете друг друга? — спросил я.

— Эрдос — постоянный посетитель вечеров Косса. — Кильвиус протянул руку в сторону другого инфернала. — Часто он единственный из фиолетовых. Без его жертвований, я уверен, всё бы уже развалилось.

То, как губы Эрдоса скривились, говорило о том, что эти жертвования были не совсем добровольными. — Вы все — кучка грязных красных шулеров.

Кильвиус ничуть не смутился. Вместо этого он протянул руку, и двое мужчин обнялись, лишь с небольшой неохотой со стороны Эрдоса. Лицо Кильвиуса нахмурилось, когда он заметил мою перевязанную руку и грудь.

— Что случилось? — спросил он, мгновенно сократив расстояние до меня, любая неловкость между нами была быстро и легко отброшена.

— Я уже в порядке.

— Пальцы... — Голос Кильвиуса был скорбным. Мне было неловко за то, как я обошелся с ним раньше, но сейчас было не время для извинений.

— Все в порядке. У меня есть еще восемь, и это не моя рука с мечом, — сказал я, сохраняя ровный голос. — Есть еще кое-что, о чем нам нужно поговорить. — Я заметил Эрдоса на периферии. — Не могли бы оставить нас на минутку? — спросил я его.

Эрдос поворчал, но дал мне знать, что будет за дверью, и удалился. Как только он ушел, я повернулся к Кильвиусу.

— Персефона пыталась убить меня.

Кильвиус замер.

Я продолжил. — Знаю, что у тебя с ней какая-то история, хотя и не знаю подробностей.

— Откуда ты знаешь... — начал Кильвиус, но потом запнулся. — А. Видения.

— Верно. Я позвал только вас, потому что у меня такое чувство, что обсуждение этой истории с Неттари здесь будет более чем некомфортным для вас обоих.

Он посмотрел на меня прищуренным взглядом. — Очень точное предчувствие.

Я пожал плечами.

Кильвиус вздохнул и приступил к рассказу.

Он родился сиротой. Преступность в Анклаве сорок лет назад была гораздо хуже, поскольку Совет был в основном коррумпирован, поэтому для таких инферналов, как он, а это, как я понял, означает бедняков, не владеющих магией, было вполне естественно попасть в плохую компанию. Тем не менее Кильвиус справился с этим более успешно, чем большинство. Он был прирожденным вором и грабителем, умел проникать в дома и магазины в более богатых районах анклава за расщелиной.

У сирот анклава было простое правило, которое редко нарушалось. Они никогда не крали друг у друга. Это нелегкое перемирие позволяло им собираться в различных укрытиях и на крышах домов, используя преимущества численности, чтобы смягчить многие ужасные вещи, которые могут случиться с сиротой в пределах такого большого города как анклав.

Из этого правила было одно исключение, отметил Кильвиус, поджав губы. Персефона. Ее демонические черты были заметны уже тогда, хотя и не так ярко выражены, как сейчас. Другие сироты без устали измывались над ней. Неоднократно крали ее вещи. Кильвиус жалел ее, но что он мог сделать?

Тем не менее факт оставался фактом: Персефону заставляли работать больше, чем других детей. Гораздо больше. Однажды он видел, как она пробралась в дом, который он обшаривал, и обчистила его за несколько минут. Ее воровские навыки легко затмили его.

По мере того как Кильвиус становился старше, он начал защищать Персефону от других детей. Конечно, его представления о добре и зле были искажены из-за его воспитания, но то, как она стала мишенью, беспокоило его. Его усилия изолировали Персефону от других детей, и, прежде чем он успел это понять, они стали парой. Персефона была его первой любовью, и поэтому у нее был талант затуманивать его рассудок. Она использовала его и как партнера в преступлениях, и как исполнителя, постоянно расширяя границы, чтобы заложить основы того, что однажды станет ее империей.

Затем его удача закончилась. Его поймали в середине ограбления, против которого он выступал, — кражи магических артефактов могущественного советника, и ему грозила казнь.

Затем он встретил Неттари. Тогда она была начинающей поверенной, но работала во многом в том же качестве, что и сейчас. В качестве гражданского служащего для тех, кто не мог себе этого позволить. Неттари вывела его из тьмы, и не одним способом. Он уже научился видеть в фиолетовых нечто большее, чем ходячие съестные прилавки, но Неттари с самого начала была другой.

Персефона ни разу не пришла навестить его.

Было много попыток подкупить Неттари, но ни одна из них не увенчалась успехом. Он мрачно заметил, что очень сомневается, что она и сегодня работала бы на той же работе, если бы просто согласилась на то, чего хотел Совет.

Вместо казни его посадили в тюрьму на год. Даже Неттари, казалось, была удивлена результатом.

Она не отставала от него. В конце концов, ее чувства к нему переросли в нечто большее. Они поженились.

Кильвиус увидел Персефону примерно через год после этого, случайно, на рынке. Хотя она была одета в вуаль и тонкие шелка, он узнал бы ее походку где угодно.

А на руках у нее был маленький, спящий ребенок.